

ЭДУАРД АНАШКИН

...НА БОЛЬШУЮ ДОРОГУ...

В одном из своих эссе известный критик Лариса Георгиевна Баранова-Гонченко, говоря о книге Дианы Кан и цитируя её стихотворение, пишет: “Это стихи замечательного русского поэта **Дианы Кан**. Из книги, которая вышла тиражом всего 600 экз. И как мы с этими шестьюстами экземплярами разберёмся и как познакомимся друг с другом?..” Речь шла о книге избранных стихотворений “Подданная русских захолуствий” – весьма объёмистой, почти в 200 страниц, вышедшей в 2003 году.

А я вот держу в руках тоненькую, всего на 70 страниц, новую книгу стихов Дианы Кан “Млечный мост”, вышедшую в 2019 году, в год 55-летнего юбилея автора, в Оренбурге тиражом всего сто экземпляров. Держу и думаю думу невесёлую. Вроде радоваться надо – книга вышла, замечательно талантливые новые стихи в этой книге собраны, которые до того, как попасть под тонкую книжную обложку, активно печатались ведущими литературными изданиями России. А радости нет у меня. Шестнадцать лет прошло после того, как книги поэтессы издавались тиражом “всего” шестьсот экземпляров. А тут такой “прогресс”: спустя полтора десятилетия плодотворной работы автора тираж книги уменьшился в шесть раз. Словно, чем более уважаемой коллегами и известной читателям становится Диана Кан, тем более уменьшаются тиражи её книг.

Позвонил я Диане и как смог тактичнее высказал ей свои мысли. В ответ услышал: “Эдуард Константинович, я рада даже такой книге, пусть даже мизерным тиражом, лучше такая, маленькая-тоненькая-малотиражная, чем никакой! К тому же эта книга дорога мне тем, что её издали мне мои читатели, обычные люди, никакие не олигархи. Взяли кредит, чтобы издать мне книгу, и я им очень благодарна...” Что мне оставалось сказать? Что “эта книжка небольшая // томов премногих тяжелей”? Это я и сказал, добавив, что в ней что ни стихотворение, то – самоцвет. А особенно приятно, что вошло в эту книжечку новое стихотворение Дианы, которое хоть и не посвящено мне, но я его считаю по праву своим. Ведь речь в нём идёт о моём пестравском самарском селе:

**“Ох уж эти пестравские бабушки, // Что тебя называют “желанная”.
// Наколдуют такие оладушки, // Что сидишь, аки гостьюшка званая. //
А ведь ты нежданно-непрощено // Заскочила узнать, сколько времечка...
// “Ешь оладьи, моя хорошая!” – // И тебя поцелует в темечко. // И, забыв, что зашла ты наскоро, // Наклонишься над старенькой чашкою. //
И навстречу качнётся ласково // Духовитый чаёк ромашковый. // В нём степные просторы пестравские // Уместились, вовек неоглядные... //
И сидишь, словно гостя заправская, // Ешь оладушки, бабушку радуя.
// Угощаешься всласть смородиной, // Ищешь повод продлить гостевание. //
Хоть Пестравка тебе не родина, // Разве знала ты это заранее?..”**

Диана Кан не раз была (и надеюсь, ещё не раз будет!) желанной гостьей наших сельчан. Помнится, когда ещё не сгорел в нашем селе культурный центр, выступала она там. Когда культурного центра в селе не стало, Диана приезжала и читала свои стихи со сцены школы села “Майское”... И каждый раз это были новые стихотворения, которым люди не переставали удивляться – насколько многообразно творчество поэта.

Последние годы я стал видеть Диану очень редко, она уехала на свою оренбургскую родину, где когда-то начинала творческий путь. Я, да и большинство самарских писателей, надеемся, кто тайно, а кто и вслух, что Диана Кан вернётся в Самару. Потому что без неё литературный процесс потерял множество красок. Тем не менее именно благодаря нашей разлуке с Дианой я смог взглянуть на неё иначе. А стихи, которые она написала в разлуке с Самарой и Волгой, ещё более утвердили меня во мнении, что Диана Кан – поэт. Потому что такие не по-женски жёсткие, откровенные и самоироничные строки “поэтесса” никогда не напишет:

“Мы поэты... А значит, нам так и надо! // Не впервой терять, что с лихвой имеем, // Истекая жгучим змеиным ядом, // А отнюдь не сладкозвучным елеем. // Мы поэты... И место наше в буфете, // Не на сцене и даже не на галёрке, // Не в борделе, тем паче не в госсовете, // Где просадились тузы-шестёрки. // Хоть буфетчица не похожа на музу, // Но зато без всякого промедленья, // Видя в каждом потенциального мужа, // Нам плеснёт в бокал сто грамм вдохновенья. // ...Мы пощады у Господа не просили, // Хоть и падали перед Ним на колени. // Мы влюблялись, вскрывали вены, тусили, // Предаваясь самой изысканной лени. // Да не только Лене! Светлане, Кате... // Ну, а пуще – Вере, Любви, Надежде... // Мы, поэты, всегда приходим некстати. // Поименно – другие. По сути – те же. // Пусть поэзия – площадная девка – // Откликается на любое имя, // Но при этом помнит с тайной издѣвкой, // Что от веку зовут её Магдалина”.

Многих изумляет манера стихосложения Дианы Кан, когда она, словно играючи, соединяет бытовое с бытийным, высокое с низким, пафосное с ироничным, и делает это так естественно, что понимаешь – стихия русской речи дана Диане. Как она пишет в одном из стихотворений, она “породнилась с Волгой”. Я думаю, именно это и есть ключ к разгадке жёсткости стихотворения о самарских поэтах. Хотя я, было дело, позвонил и попенял Диане, мол, ну, зачем ты так о самарцах, мы тебя любим. Диана рассмеялась: “Так ведь и я вас люблю! Не любила бы, не тосковала бы. А не тосковала бы – не написала бы этот стишок”. Я возразил: “Какой это стишок? Это прекрасное стихотворение, хотя и жёсткое!” Диана отрезала: “Эдуард, я пафоса не люблю. Да и слово СТИХОТВОРЕНИЕ выговаривать долго, пока выговоришь, запутаешься!” Так вот странно и совсем не по-женски Диана Кан после расставания с самарскими поэтами объясняется им в любви. Правда, цитируя, я всё-таки опустил персоналии этого стихотворения, потому что дело ведь не в персоналиях.

“Пусть вы не торжество добра и света, // Как ни крути, вас не любить нельзя – // Сценичные циничные поэты, // Заклятые самарские друзья. // Ведь я была одной из вас когда-то. // Хотела б откреститься, да никак! // Разбойные запойные ребята, // Отчеством считавшие кабак... // Немало вы кровей моих попили // Вприхлёб с самарским пивом “Жигули”. // Немало, как князю, меня топили, // Но утопить в итоге не смогли! // Не утонула, породнилась с Волгой... // Она во мне свою признала дочь. // И с той поры – увы и слава Богу! – // Ни помешать нельзя мне, ни помочь. // И разве я могла в вас не влюбиться, // Как ни крутили пальцем у виска, // Когда взлетали странницы-страницы // И строфы-катастрофы в облака? // Когда, презрев досужие советы // И больше не желая быть, как все, // И я взлетала с ними против ветра // По этой чёрной взлётной полосе?..”

Хочется от всего сердца поблагодарить оренбургских почитателей таланта Дианы Кан Сергея и Алину Мотыженковых, что издали замечательную книгу “Млечный мост”. Но не могу не выразить недоумение, что Оренбург с 2016 года так и не нашёл возможности издать хотя бы одну книгу выдающейся всероссийской поэтессы-землячки, чтобы появилась она хотя бы в библиотеках Оренбургского региона.

“Самару в Оренбурге помнят чаще, // Чем Оренбург в Самаре, ну, так что ж? // И там, и тут я прослыла пропащей. // То и другое – истина и ложь. // Но этой самой истинною ложью // Спасается подлунный грешный мир, // Где дураки похлеще бездорожий, // Чумы похлеще хлебосольный пир. // Ни в Бога и ни в чёрта не поверю, // Когда уже который век и год // Чумных пиров полынное похмелье // И порохом, и кровью отдаёт. // Текут века, а мне и горя мало. // Степным простором допьяна упьюсь... // ...Здесь, в междуречье Волги и Урала, // Моим стихом заговорила Русь. // Уральская печальная приبلуда, // Самарская лукавая змея... // Как жаль, что я давно не верю в чудо, // Ведь надо верить – чёрт возьми! – в себя!”

В новых стихах, написанных уже в Оренбурге, где раскрывается новая грань таланта Дианы – художественная самоироничность, которую практически не встретишь в стихах “поэтесс”, даже выдающихся. Как правило, самоирония – чисто мужское качество. Вот как, к примеру, рассматривает поэт Диана Кан чисто женский диалог с зеркалом, который начат ещё в творчестве Пушкина в образе мачехи, завидующей молодой падчерице:

“– Причешись, причепурись, // Улыбнись, примерь обновы!.. // – Свет мой, зеркальце, заткнись! // Мне и без тебя хреново. // По спирали жизнь бежит... // Поспирали, поспирали // Годы юный шёлк ланит, // Что остался в зазеркалье. // – Эвон, дочка подросла, // Красотой меня затмила... // Всё вы врётё, зеркала! // Хотя я правды не просила! // Строчка встала на крыло // И далёко улетела... // – Ах ты, мерзкое стекло! // Ну, твоё какое дело? // Бон суар, мон шер ами? // Ни фига! Ещё не вечер! // Свет мой, зеркальце, храни // Память нашей первой встречи. // В зазеркальных тайниках // Пусть живёт девчужка эта, // Что не ведаёт пока, // Что сулит судьба поэта”.

Конфликт стихотворения Дианы отнюдь не женский. Это конфликт поэта–творца стихотворений, которые “встали на крыло и улетели далёко” от своего создателя. Это конфликт поэта, который остаётся поэтом лишь в той степени, в какой в нём живёт детство. Самоирония пышно расцвела в творчестве Дианы Кан. Умение посмеяться над собой, над своими женскими слабостями и вывело её творчество из женской “резервации”. Сама Диана в шутку относит стихотворение “Разговор с психиатром о рае”, которое я с удовольствием процитирую сейчас, к “стихам про депутатов”. А эпиграфом к стихотворению служат её же собственные строчки из ранних романтических стихотворений: “... и смотрят последние астры в саду // На то, как топиться хожу я к пруду...” Девушка, которая когда-то ходила топиться к пруду, выросла на радость читающей России в большого поэта, умеющего посмеяться над собой:

“Хотела утопиться в тихом омуте // Без лишних элегических затей... // Но психиатр сказал с улыбкой: “Полноте! // Да пожалейте ж бедненьких чертей! // Ни перед кем ни в чём не виноватые, // Без потрясенных и душевных ран, // Они живут не клятые, не мятые, // А тут бултых-пардон – Диана Кан!..” // Сказала психиатру: “Пыл умерьте-ка! // Я не за это деньги вам плачу. // Ведь не к лицу подобная патетика, // Любезный, ни врачу, ни палачу! // Чертям для драйва я необходимая: // Мысль утопиться – это неспроста. // Умеют же устроиться, родимые – // В раю позанимали все места...”

Особенно близки мне у каждого поэта его стихи по малую родину, про тот клочок земли, из которой произрастает он корнями. Эта корневая связь питает любое поэтическое творчество. Ведь именно в малом, в мелочах, порой человек раскрывается наиболее полно:

“Здесь растут без всяких привилегий // Придорожной сорною травой // Россыпи прибудных аквилегий, // Принятых Россией на постой. // Здесь в дожде купается купена, // Предвкушая солнечный потоп, // И ромашки всходят белопенно, // Обживая фронтовой окоп. // Это всё она, моя Россия! // Это я, её родная дочь! // Кашки сами в руки попросились – // Их сорвать хотела – да невмочь! // Прикорнул к плечу татарник милый, // Даже не пытаюсь уколоть... // ...Эх, напрасно мама попросила // Доченьку картошку прополоть!”

В своё время Диана Кан начала свой путь к всероссийской известности именно как автор яркой гражданской оппозиционной лирики. Потом как-то

отошла от гражданственности, но, видимо, для того, чтобы вернуться к ней на новом витке своего творческого полёта. Не будем забывать, что Оренбуржье, где сейчас живёт и работает Диана Кан, да и Самарский край, ставший её поэтической отчиной, прославлены в веках, как места, связанные с Пугачёвским восстанием. Мало кто знает, что пленён Емельян Иванович Пугачёв был на территории Пестравского района, где я живу многие десятилетия. И именно через пестравское самарское село Мосты Емелька был этапирован генералиссимусом Александром Суворовым в столицу к месту казни. Как ни крути, придётся признать, что неоднозначная личность Емельяна Пугачёва навеки породила Урал с Волгой, а Оренбуржье – с Самарским краем:

“Край мой мятежный, // Край мой крамольный... // Ветер-ведьмак пугачёвщиной дышит. // Край мой, далёкий от Первопрестольной, // Горем завейся – Москва не услышит. // Горем завейся, ветром укройся, // Песней утешься, а я буду рядом... // Ойся ты, ойся! Столицы не бойся, // Край мой крамольный, оно тебе надо? // Царь ли, царевич? Король-королевич? // В банке уважь их да в печь на лопату. // Кроток в молитве и страшен ты в гневе, // Край мой, кровавым рассветом объятый. // Что приуныл, опечаленный в стельку? // Что пригорюнился, счастья не чая? // Где ж он, твой царь самозванный Емелька? // Чай, ты случаем по нём не скучаешь? // Тёплым платком оренбургским закутай // Зябкую степь, что от ветра продрогла... // Вспомни свою залихватскую удаль // И выходи на большую дорогу”.

Почитаешь и – поёжишься. Неужто опять поэт зовёт Русь к топору, к новой революции, чреватой кровопролитием? Сейчас даже самые “оппозиционные оппозиционеры” нет-нет, да и проговорятся о том, что лимит России на революции исчерпан в XX братоубийственном веке. При этом все сегодня понимают, что идёт активное уничтожение России “новыми ляхами”. И Россия, особенно в глубинке, как бы притихла и сосредотачивается на мысли: что же со всем этим делать? И где же тот спаситель Отечества, которого все так ждут, но в которого при этом никто не верит? Потому что не все хотят, чтобы этот “спаситель” пришёл с огнём и мечом. Вот как видит эту ситуацию не революционного, а эволюционного возрождения и спасения России в пространстве и времени поэт Диана Кан:

“Он вёл их молча по былинным, // По диким муромским лесам – // Иуд, что верили наивно // В то, что и он иуда сам. // Вёл, обходя в пути святыни, // Не тратя понапрасну слов, // Духовно-ядерной твердыни, // Что называется Саров. // Он вёл их, Китеж огибая // И светлый болдинский приют... // Знать, на Руси судьба такая, // Что первыми героев бьют. // В пути не раз им повстречался // Шальной Разбойник-Соловей, // Вослед ведомым так смеялся, // Что листья сыпались с ветвей. // Вёл, обходя Урал и Волгу, // Хоть их никак не обогнуть... // Во временах-пространствах долгий – // Единственно возможный путь! // И мысль одна терзала сердце, // Ведомым вовсе не в укор – // Как миновать в пути Освенцим, // И Саласпилс, и Собибор?... // ...А дальше, братья-ляхи, сами. // Эх, ни покрывки вам, ни дна... // “Кажись, пришли! – вздохнул Сусанин, – // Варшава-матушка видна!..”

Сегодня снова пришло время гражданской лирики. Да оно и не уходило: уничтожение России особенно заметно в глубинке. Народ придавлен нищетою и безнадёгой, мужики стараются устроиться работать на “севера”, чтобы хоть как-то прокормить семью. А родное село без мужской руки, оставленное только на женское попечение, как в войну, рушится и приходит в необратимый упадок. Мы слушаем по телевизору новости про то, как у нас в стране всё складно да ладно, но всё чаще хочется спросить у ведущих: “А вы, господа-товарищи, про какую такую неведомую страну нам рассказываете?” Я частенько звоню Диане, говорим, к сожалению, в основном о политике, как и все. Она порой говорит: “Я телевизор не смотрю и тебе не советую”. Но при этом настолько в курсе политической ситуации, что понимаю – правду сегодня можно узнать всюду: в интернете, в разговорах с людьми, только не в телеящике. А закончить своё слово о выдающемся русском поэте Диане Кан я хочу поразившим меня стихотворением “Новая Марсельеза”, которое на поверку оказалось пророческим. Спустя пару месяцев после его первой публикации начались события во Франции, когда французы, надев жёлтые жилеты,

стали отстаивать своё право на достойную человеческую жизнь... Я уважаю французов, поднявшихся на борьбу за свои права. Но при этом согласен с поэтом Дианой Кан, что судьба России уже решается не на земле...

“Пролетая, пролетая, // Как фанера над Парижем, // Пролетарий, пролетарий, // Революция всё ближе. // На гербе – орел двуглавый, // Вырезанный из фанеры. // И ни левым, и ни правым, // Ни центристам нету веры. // Толстый поп кадилом машет, // Отгоняя дух советский. // Двадцать первый век пустышный // Тупо занят жизнью светской. // Бесноватые уроды, // Что страну разворовали, // Про какие-то свободы // Будут мне читать морали? // Пролетарская Мадонна. // Православная аскеза. // Цвета марсала знамёна, // А над ними – Марсельеза”.

Регулярно бывая с супругой в одном из самых уважаемых и самых намоленных храмов Самарской области – Михаило-Архангальском храме в старинном селе Высокое, – мы всегда ставим свечу за здоровье рабы Божией Анны, а в миру – прекрасного русского поэта Дианы Кан. Многая лета тебе и много золотых строк, дорогая Диана Елисеевна!